

*Посвящается
Нэнси Фрэнд Стюарт (1949–2008)
и Дэвиду Стюарту*

ДЕЛО 1

СПИТЕ КРЕПКО

На первый взгляд она была святая: в 1980-е Доротея Пуэнте сдавала комнаты старикам и инвалидам в Сакраменто, Калифорния. Но потом ее жильцы стали исчезать. В саду нашли семь захороненных тел, и судебно-медицинская экспертиза обнаружила в останках следы снотворного. Пуэнте обвинили в убийстве постояльцев с целью завладеть их пенсионными накоплениями, чтобы сделать себе пластическую операцию и приобрести дорогую одежду для поддержания имиджа неформального лидера местного сообщества. Ей предъявили обвинения в девяти убийствах и осудили за три.

В 1998-м, отбывая два пожизненных срока, Пуэнте вступила в переписку с публицистом Шейном Багби. Она присылала ему рецепты блюд, которые впоследствии были опубликованы в книге под названием «На кухне с серийной убийцей».

Назовите меня сумасшедшей, но я бы к такой еде даже не притронулась.

Эмма

Куда ни бросишь взгляд, везде видны следы борьбы. По полу в кухне рассыпаны письма, счета и газеты; табуретки перевернуты. Телефон сшиблен с подставки, вывалившийся изнутри аккумулятор болтается на проводках. На пороге гостиной виден нечеткий отпечаток чьей-то ноги, направленный в сторону мертвого тела моего сына Джейкоба.

Он распластался, как морская звезда, перед камином. Висок и руки запачканы кровью. На мгновение я замираю, не в силах вдохнуть.

Вдруг он садится и говорит:

— Мам, ты даже не пытаешься.

«Это не по-настоящему», — напоминаю я себе, а он ложится и принимает ту же позу — на спине, ноги чуть согнуты и откинута влево.

— Гм... тут была драка, — говорю я.

Губы Джейкоба едва шевелятся.

— И?..

— Тебя ударили по голове. — Я опускаюсь на колени, как он сотню раз просил меня сделать, и замечаю, что из-под дивана выглядывает угол кварцевых часов, которые обычно стоят на каминной полке. Осторожно поднимаю их и замечаю на корпусе кровь, макаю в нее мизинец и пробую на вкус:

— О, Джейкоб, не говори, что ты снова извел весь мой кукурузный сироп...

— Мама! Фокус!

Я опускаюсь на диван, держа в руках часы:

— Приходили грабители, и ты прогнал их.

Джейкоб садится и вздыхает. Его темные волосы измазаны пищевыми красителями и кукурузным сиропом, глаза сияют, хотя он и не встречается со мной взглядом.

— Ты и правда веришь, что я стал бы разыгрывать дважды одну и ту же сцену преступления? — Он разжимает кулак, и я вижу клочок шелковистых кукурузных волосков. Отец Джейкоба был блондин, по крайней мере в тот момент, когда ушел от нас пятнадцать лет назад, оставив меня с Джейкобом и Тэо, его новорожденным белобрысым братиком.

— Тебя убил Тэо?

— Ну, мама, серьезно, такую загадку решил бы и детсадовец, — говорит Джейкоб, вскакивая на ноги.

Фальшивая кровь течет по его щеке, но ему все равно. Когда мой сын сосредоточен на анализе сцены преступления, думаю, рядом с ним может взорваться атомная бомба, а он даже не поморщится. Джейкоб подходит к следу ноги у края ковра и показывает на него. Теперь, взглянув на отпечаток снова, я замечаю вафельный рисунок подошвы кроссовок для скейтборда «Ванс», на которые Тэо копил много месяцев, и последнюю часть названия бренда «...нс», выдавленного на резине.

— На кухне была борьба, — объясняет Джейкоб, — кто-то, защищаясь, швырнул телефон, меня загнали в гостиную, и там Тэо оглушил меня часами.

Это вызывает у меня легкую улыбку.

— Где ты услышал такое слово?

— В сорок третьей серии «Борцов с преступностью».

— Просто чтобы ты знал: это означает ударить кого-то по голове, не обязательно часами.

Джейкоб моргает, бесстрастно глядя на меня. Он живет в буквальном мире, это один из основных признаков его болезни. Когда-то, во время переезда в Вермонт, Джейкоб спросил меня, какой он. «Много зелени, — отве-

тила я, — покатых холмов». Тут он разрыдался и сквозь слезы спросил: «Они укатают нас?»

— Но какой же мотив? — спрашиваю я, и как по команде Тэо с громким топотом сбегает по лестнице.

— Где урод? — кричит он.

— Тэо, не называй своего брата...

— Давай я перестану называть его уродом, когда он прекратит таскать вещи из моей комнаты, а?

Инстинктивно я встаю между ними, хотя Джейкоб на голову выше нас обоих.

— Я ничего не брал в твоей комнате.

— Правда? А как насчет моих кроссовок?

— Они стояли в прихожей.

— Тупица, — цедит сквозь зубы Тэо, и в глазах Джейкоба вспыхивает огонь.

— Я не тупица, — рычит он и бросается на брата.

Я вытягиваю руку и не пускаю его:

— Джейкоб, ты не должен брать вещи Тэо, не спросив у него разрешения. Тэо, я не хочу больше слышать от тебя таких слов, а если услышу, то возьму твои кроссовки и выброшу их вместе с мусором. Это ясно?

— Я пошел отсюда, — бурчит Тэо и топает в прихожую.

Через мгновение я слышу, как хлопает входная дверь.

Иду следом за Джейкобом на кухню. Он задом пятится в угол, бормочет:

— Что мы здесь имеем, — а потом начинает растягивать слова, — это... неуме-е-ние обща-а-ться. — Садится на корточки и обхватывает руками колени.

Когда Джейкоб не может подобрать слов для описания своего состояния, он заимствует чужие. Последняя фраза взята из «Хладнокровного Люка»; Джейкоб вообще помнит диалоги из всех фильмов, которые видел.

Я встречала многих родителей, дети которых находятся на нижнем уровне аутистического спектра и диа-

метрально противоположны Джейкобу с его синдромом Аспергера. Они говорили, как мне повезло, что мой сын такой разговорчивый, такой невероятно умный; он может разобрать сломавшуюся микроволновку, и через час она заработает. Они считают, нет более страшного ада, чем иметь сына, который заключен в своем собственном мире и не понимает, что за его пределами есть другой, более обширный, который тоже можно исследовать. Но как вам понравится иметь сына, который заперт в своем мире, но хочет наладить связь с другим. Сына, который пытается быть как все, но совершенно не понимает, каким образом этого добиться.

Я тянусь к нему, чтобы утешить, но останавливаюсь: легкое прикосновение может вывести его из себя. Он не любит, когда ему жмут руку, похлопывают по спине, ерошат волосы.

— Джейкоб... — начинаю я, а потом понимаю, что сын вовсе не расстроен.

Он поднимает трубку телефона, рядом с которой сидит, чтобы мне было видно грязное пятно на ее боку.

— Отпечатки пальцев ты тоже не заметила, — бодро произносит Джейкоб. — Не обижайся, но никудашный из тебя следователь. — Он отрывает от рулона бумажное полотенце, встает и мочит его в раковине. — Не беспокойся, я сейчас смою всю кровь.

— Ты так и не сказал мне, какой у Тэо мотив для убийства.

— О... — Джейкоб смотрит на меня через плечо; недобрая улыбка расползается по его лицу. — Я украл его кроссовки.

Насколько я представляю, синдром Аспергера — это ярлык, описывающий не те черты, которые у Джейкоба есть, а те, которые он утратил. Примерно в двухлетнем возрасте он стал пропускать слова, отводить глаза и вообще начал избегать любых контактов с людьми. Джей-

коб не мог нас слушать или не хотел. Однажды я посмотрела на него: он лежал на полу и возился с игрушечным самосвалом. Малыш сосредоточенно крутил колеса машинки; его лицо было совсем близко к моему, и я подумала: «Куда же ты ушел?»

Я искала объяснения поведению сына: он сидит, забившись в угол тележки для продуктов, когда мы идем за покупками, потому что в супермаркете холодно. Вшитые в швы одежды ярлычки, которые мне приходилось срезать с его вещей, неприятно трутся о кожу. В детском саду он не мог подружиться ни с одним ребенком, и я организовала праздник по случаю его дня рождения с водяными бомбочками и игрой в «прилепи хвост ослику Иа» с завязанными глазами. Примерно через полчаса после начала игр я вдруг заметила, что Джейкоба нет. Я была тогда на шестом месяце беременности и впала в истерику. Другие родители принялись обыскивать двор, улицу, дом. Нашла сына я: он сидел в подвале и занимался тем, что вставлял кассету в видеомагнитофон и вытаскивал ее, вставлял и вытаскивал.

Когда ему поставили диагноз, я разрыдалась. Не забывайте, это было в 1995-м, и мое представление об аутизме строилось исключительно на фильме с Дастином Хоффманом «Человек дождя». По словам нашего первого психиатра, у Джейкоба были проблемы с общением и социальным поведением без речевых нарушений, характерных для других форм аутизма. Прошло немало лет, прежде чем мы впервые услышали слова «синдром Аспергера». Тогда они еще не попали на диагностические радары врачей. Но к тому моменту у меня уже был Тэо, и Генри — мой бывший — уехал от нас. Он программист, работал дома и не мог выносить скандалов, которые заткаывал Джейкоб по малейшим поводам: яркий свет в ванной, звук подъехавшего к дому по гравийной дорожке почтового грузовика, текстура хлопьев для завтрака.

рака. Я полностью отдалась на волю специалистов по раннему вмешательству, которые приходили к нам один за другим с намерением вытащить Джейкоба из его маленького мирка. «Я хочу, чтобы мой дом стал таким, как прежде, — сказал мне Генри. — Я хочу вернуть тебя».

Но я уже успела заметить, что с помощью поведенческой и речевой терапии Джейкоб снова начал общаться с окружающими. Улучшения были налицо. С учетом этого иного выбора не оставалось.

В тот вечер, когда Генри ушел, мы с Джейкобом сидели на кухне и играли в игру. Я корчила гримасу, а он пытался угадать, какую эмоцию я изображаю. Я улыбалась сквозь слезы и ждала, что Джейкоб скажет: «Это счастье».

Генри живет со своей новой семьей в Силиконовой долине, работает на «Apple» и редко разговаривает с мальчиками, хотя каждый месяц исправно присылает чек с детскими деньгами. Он всегда был очень организованным. И с цифрами ладил. Его способность запоминать содержание статей из «Нью-Йорк таймс» и цитировать их дословно, казавшаяся столь академически сексуальной, когда начался наш роман, мало чем отличалась от того, как Джейкоб в шесть лет запоминал программу телепередач. Прошло совсем немного времени после ухода от нас Генри, и я поставила ему тот же диагноз — синдром Аспергера в легкой степени.

Много копий ломается в спорах о том, относится или нет синдром Аспергера к расстройствам аутистического спектра, но скажу вам честно: это не имеет значения. Это всего лишь термин, которым мы пользуемся, чтобы добиться для Джейкоба особых условий в школе, а не объяснение того, кто он такой. Если вы встретитесь с ним сейчас, то прежде всего подумаете, что он не менял рубашку со вчерашнего дня и забыл причесаться. Если захотите поговорить с ним, придется начать разговор пер-

вым. Он не будет смотреть вам в глаза. И если вы отвleчетесь совсем ненадолго на разговор с кем-нибудь еще, то, повернувшись снова к Джейкобу, вероятно, обнаружите, что он вышел из комнаты.

По субботам мы с Джейкобом ходим за продуктами.

Это часть его расписания, а от него мы отклоняемся редко. О любых новшествах необходимо предупреждать заранее и готовить к ним — визит это к зубному врачу, прививка или появление посреди учебного года на уроках математики нового ученика. Я не сомневаюсь, что Джейкоб полностью приведет в порядок свое фальшивое место преступления до одиннадцати утра, потому что именно в это время женщина, раздающая бесплатные образцы продукции, ставит свой столик перед входом в кооперативный продуктовый магазин «Таунсенд». Она сразу узнаёт Джейкоба и обычно дает ему два маленьких яичных рулета, несколько кругляшек-брускетт, или что там у нее заготовлено для покупателей на этой неделе.

Тэо не возвращается, поэтому я оставляю для него записку, хотя расписание известно ему не хуже, чем мне. Когда я беру куртку и сумочку, Джейкоб уже сидит в машине на заднем сиденье. Ему там нравится — можно растянуться в свое удовольствие. Водительских прав у него нет, хотя мы регулярно препираемся по этому поводу, так как ему восемнадцать и водить машину он мог бы уже два года. Джейкоб прекрасно знает, как работают светофоры и, вероятно, мог бы разобрать один из них на части и снова собрать, однако я не вполне уверена, что в ситуации, когда на дороге появятся несколько машин, которым нужно проехать в разных направлениях, он сообразит, что ему делать на каждом конкретном перекрестке — останавливаться или проезжать.

— Что тебе осталось сделать из домашней работы? — спрашиваю я, когда мы трогаемся с места.

— Тупой английский.

— Английский не тупой.

— Ну, учитель английского. — Джейкоб кривится. — Мистер Франклин задал нам написать сочинение на любимую тему, и я хотел выбрать обед, но он не разрешил.

— Почему?

— Говорит, обед — это не тема.

Я смотрю на сына:

— Не тема.

— Ну, — отзывается Джейкоб, — это и не тема. Разве он не знает?

Я подавляю улыбку. Буквальное понимание слов Джейкобом в зависимости от ситуации может вызвать либо смех, либо раздражение. Смотрю в зеркало заднего вида, он прижимает большой палец к стеклу.

— Слишком холодно, отпечатков не останется, — небрежно бросаю я; этому меня научил сам Джейкоб.

— А ты знаешь почему?

— А? — Я смотрю на него. — Отпечаток портится при температуре ниже нуля?

— От холода поры кожи сжимаются, — говорит Джейкоб, — и выделения из них сокращаются, а значит, нечему приставать к стеклу и оставлять отпечатки.

— Это был мой второй вариант, — шучу я.

Я привыкла называть его «мой маленький гений», потому что даже в детстве он умудрялся выдавать объяснения вроде этого. Помню, однажды — ему тогда было четыре года — он читал табличку у кабинета частного врача, когда мимо проходил почтальон. Тот уставился на Джейкоба и рот разинул от удивления: и правда, не каждый день видишь дошколенка, который без запинки произносит слово «гастроэнтерология».

Я заруливаю на парковку, пропускаю отличное пустующее место, потому что оно рядом с блестящей оранжевой машиной, а Джейкоб не любит оранжевый цвет.

Слышу, как он втянул в себя воздух и задержал дыхание, пока мы не проехали мимо. Вылезаем из машины, Джейкоб прикатывает тележку, и мы входим в магазин.

Место, где обычно сидит женщина с бесплатными образцами продукции, пусто.

— Джейкоб, это ерунда, — сразу говорю я.

Он смотрит на часы:

— Уже одиннадцать пятнадцать. Она приходит в одиннадцать и уходит в двенадцать.

— Что-то могло случиться.

— Ей удалили шишку на пальце, — говорит вдруг работник, который в двух шагах от нас выкладывает на стойку пакеты с морковью. — Она вернется через четыре недели.

Джейкоб начинает постукивать рукой по бедру. Я оглядываюсь, мысленно оценивая, насколько бурную сцену спровоцирует попытка увести сына отсюда, прежде чем самостимуляция превратится в полноценный нервный срыв, и смогу ли я успокоить его разумными доводами.

— Помнишь, как миссис Пинхэм три недели не появлялась в школе, когда заболела ветрянкой и не смогла предупредить вас заранее? Это то же самое.

— Но уже одиннадцать пятнадцать, — повторяет Джейкоб.

— Миссис Пинхэм поправилась, верно? И все вернулось в норму.

Морковный парень таращится на нас. Еще бы! Джейкоб с виду совершенно нормальный молодой человек. Явно интеллигентный. Но обычное течение дня нарушено, отчего, вероятно, он чувствует себя так же, как я, если бы мне вдруг велели спрыгнуть на тарзанке с Уиллис-тауэр¹.

¹ Уиллис-тауэр — 108-этажный небоскреб высотой 442,1 м в Чикаго, США. — Здесь и далее примеч. перев.

В горле у Джейкоба раздается низкий рык, и я понимаю, что точку невозврата мы миновали. Сын пятится от меня и врывается в стойку с банками пикулей и соусами. Несколько бутылочек падают на пол, стекло бьется, и Джейкоб слетает с катушек. Кричит — тянет одну высокую жалобную ноту, саундтрек к моей жизни. Он двигается вслепую, отбивается от меня, когда я тянусь к нему.

Проходит всего тридцать секунд, но они длятся вечность, когда ты становишься центром пристального внимания окружающих, когда борешься со своим сыном ростом шесть футов, валишь его на покрытый линолеумом пол и придавливаешь всем своим весом. Только это помогает успокоить его. Я приставляю губы к его уху и напеваю:

— Я пристрелил шерифа, но не попал в его зама...

С детства эта песенка Боба Марли успокаивала Джейкоба; даже Тэо к трем годам уже знал все слова. Само собой, напряжение спадает, мышцы Джейкоба расслабляются, руки вяло лежат на полу по бокам от тела. Из уголка глаза выкатывается слезинка.

— Я пристрелил шерифа, — шепчет он, — но, клянусь, это была самозащита.

Я беру в ладони лицо сына и заставляю его встретиться со мной взглядом.

— Ну что? Теперь все в порядке?

Он отвечает не сразу, словно мысленно проводит серьезную проверку:

— Да.

Я встаю на колени и, естественно, оказываюсь в луже из маринада. Джейкоб садится и прижимает колени к груди.

Вокруг нас собралась толпа. К морковному парню присоединились управляющий магазином, несколько взрослых покупателей и две девочки-близняшки с оди-

наковыми созвездиями веснушек на щеках. Все они смотрят на Джейкоба, и в их взглядах читается забавная смесь ужаса с жалостью, которая преследует нас везде и всюду, будто псина, кусающая за пятки. Джейкоб и мухи не обидит, в прямом смысле и в переносном. Однажды в течение трехчасовой поездки он держал между сжатыми чашечками ладоней паука, чтобы, когда мы будем на месте, выпустить его на волю. Но если вы не знакомы с Джейкобом и увидите, как высокий мускулистый парень опрокидывает стойку с товарами в магазине, то подумаете, что он чем-то расстроен. Вы решите, что он буйнит.

— Он аутист, — резко говорю я. — Есть вопросы?

Я пришла к выводу, что злость срабатывает лучше всего. Нужен электрошок, чтобы зеваки оторвали взгляды от сошедшего с рельсов поезда. Как ни в чем не бывало покупатели снова принимаются выбирать апельсины и накладывать в пакеты перцы. Две маленькие девочки убегают в проход с молочными продуктами. Морковный парень и управляющий не рискуют встречаться со мной взглядами, вот и славно. Справляться с нездоровым любопытством окружающих я умею, а вот их доброта может меня сломить.

Джейкоб плетется рядом со мной, я толкаю тележку. Рука его все еще едва заметно подрагивает у бедра, но он не стучит ею.

Больше всего я хочу, чтобы таких вещей с Джейкобом никогда не случалось.

Больше всего я боюсь, что такое случится, когда меня не будет рядом, и люди подумают о нем плохо.

ТЭО

Мне наложили на лицо двадцать четыре стежка, спасибо моему братцу. От десяти из них остался шрам на левой брови с того времени, как Джейкоб опрокинул высо-

кий детский стул; мне тогда было восемь месяцев. Остальные четырнадцать пришлось на подбородок в Рождество 2003 года: в восторге от какого-то глупого подарка я смял в комок оберточную бумагу, и Джейкоба взбесил этот звук. Тем не менее причина, по которой я вам это рассказываю, не имеет отношения к брату. Дело в том, что мама обязательно скажет вам, мол, Джейкоб тихий и безобидный, но я живое доказательство того, что она себя обманывает.

Предполагается, что для Джейкоба я должен делать исключения; это одно из наших неписаных домашних правил. Поэтому, когда нам приходится объезжать знак «Объезд», что само по себе забавно, так как он оранжевый и пугает Джейкоба, и в результате я на десять минут опаздываю в школу, это нормально. В душ он всегда идет первым, потому что сто миллионов лет назад, когда я был еще младенцем, Джейкоб мылся в душе раньше меня и он не перенесет, если привычный распорядок дня будет нарушен. А когда мне исполнилось пятнадцать и в назначенный день нужно было получать учебные водительские права в дорожной инспекции, визит туда пришлось отменить, поскольку Джейкоб расклеился из-за покупки новых кроссовок, и я должен был понять, что такие вещи случаются. Проблема в том, что «такие вещи» случались и во время трех следующих моих попыток довести маму до дорожной инспекции. В конце концов я перестал просить ее об этом. При таких условиях я буду гонять на скейте, пока мне тридцатник не стукнет.

Однажды в детстве мы с Джейкобом играли в пруду у нашего дома с надувной лодкой. Моей обязанностью было следить за братом, хотя он на три года меня старше и столько же раз занимался с тренером по плаванию, как и я. Мы перевернули лодку вверх дном и занырнули под нее; воздух там был тяжелый и влажный. Джейкоб

начал говорить про динозавров, которыми в то время был увлечен, и рот у него не закрывался. Вдруг я забеспокоился: а что, если из-за болтовни Джейкоба в этом тесном замкнутом пространстве закончится весь кислород? Я попытался поднять лодку, но она как будто присосалась к воде, и от этого я запаниковал еще сильнее. Разумеется, можно было нырнуть и выбраться из-под лодки, но почему-то в тот момент это не пришло мне в голову. Единственное, что я тогда понимал: мне нечем дышать. Когда меня спрашивают, каково это — расти с братом, у которого синдром Аспергера, я всегда вспоминаю тот момент, хотя вслух отвечаю: мне не с чем сравнивать.

Я не святой. Временами я специально достаю Джейкоба; его так легко вывести из себя. Достаточно залезть к нему в шкаф и переложить одежду или спрятать колпачок от зубной пасты, пока он чистит зубы. Но в результате мне становится жаль маму: она обычно принимает на себя главный удар, когда Джейкоб срывается. Иногда я слышу, как мама плачет, думая, что мы с братом спим. Тогда я вспоминаю: она ведь тоже не подписывалась на такую жизнь.

Поэтому временами я вмешиваюсь. Утаскиваю, в прямом смысле слова, Джейкоба, если, беседуя с кем-то, он начинает горячиться и чудить. Говорю ему, чтобы перестал дергаться, когда он начинает нервничать в автобусе и выглядит совершенно безумным. Захожу в его класс, перед тем как идти в свой, чтобы предупредить учителя: у Джейкоба сегодня было трудное утро, так как, понимаете, в доме неожиданно закончилось соевое молоко. Иными словами, я веду себя как старший брат, хотя я им не являюсь. А когда меня разбирает досада от чувства несправедливости всего этого и кровь во мне кипит, как лава, я сматываюсь. Если моя комната недостаточно далеко, беру свой скейт и качу куда-нибудь — в любое место, откуда нет возможности позвонить домой.

Так я поступаю и сегодня днем, после того как братец решает сделать из меня главного негодяя в своем выдуманном преступлении. Скажу вам честно: дело не в том, что он без спроса взял мои кроссовки или снял волосы с моей расчески, хотя это жуть; не хуже, чем в «Молчании ягнят». Просто, когда я увидел Джейкоба на кухне в крови из кукурузного сиропа, с фальшивой раной на голове и все улики указывали на меня, на полсекунды подумалось: «А что, я не прочь».

Но мне не позволено говорить, что моя жизнь без Джейкоба станет легче. Нельзя даже думать так. Это еще одно из неписанных домашних правил. Поэтому я хватаю куртку и направляюсь на юг, хотя за окном минус шесть и ветер острыми кинжалами полосует мне лицо. Я ненадолго задерживаюсь в скейт-парке — единственном месте в этом дурацком городишке, где копы разрешают кататься, хотя он совершенно бесполезен зимой, которая в Таунсенде, штат Вермонт, длится девять месяцев.

Ночью насыпало дюйма два снега, но какой-то парень на зимнем скейте все же пытается отработать со-скок со ступеньки. Его приятель снимает исполнение трюка камерой мобильного. Этих ребят я видел в школе, но они не из моего класса. Я в некотором роде анти-скейтер: хожу на продвинутые курсы по всем предметам и получаю в среднем 3,98. Разумеется, в компании скейтеров это делает меня чудачком, так же как в глазах приличных людей моя манера одеваться и любовь к катанию на скейте превращают меня в оригинала.

Паренек, исполняющий трюк, приземляется на задницу.

— Я выложу это на YouTube, братан, — говорит его приятель.

Я объезжаю стороной скейт-парк и качу по городу на единственную в нем улицу, которая погибает по спи-

рали панцирем улитки. В самом центре находится пряничный домик. Наверное, такие особнячки называют викторианскими. Он выкрашен в фиолетовый цвет, с одного бока к стене пристроена башенка. Вероятно, именно это заставило меня остановиться перед ним в первый раз: у кого, блин, есть башенка на доме, кроме диснеевской принцессы Рапунцель? Но в этой башенке живет девочка лет десяти или одиннадцати, у нее есть брат вполтину моложе ее. Их мама ездит на зеленом минивэне «тойота», а отец, наверное, врач — я два раза видел его возвращавшимся с работы в белом халате.

В последнее время я часто здесь бываю. Обычно присаживаюсь на корточки перед эркером. Оттуда мне почти все видно: стол, за которым дети делают уроки; кухня, где мать готовит ужин. Иногда она приоткрывает окно, и я почти ощущаю вкус того, что они едят.

Однако сегодня в доме никого. Это придает мне храбрости. Хотя день в разгаре и по улице то и дело проезжают машины, я захожу за дом и сажусь на качели, подвешенные на цепочках, закручиваюсь, а потом отрываю ноги от земли и кручусь в обратном направлении, хоть я уже великоват для таких забав. После этого подхожу к заднему крыльцу дома и дергаю ручку двери.

Она открывается.

Что-то не так. Это мне ясно. Но я все равно захожу внутрь.

Снимаю кроссовки, как воспитанный мальчик, оставляю их на коврике в прихожей и крадусь на кухню. В раковине стоят тарелки, из которых ели хлопья. Открываю холодильник, внутри — стопка дорогих пластиковых контейнеров. Остатки лазаньи.

Беру в руки банку арахисового масла и нюхаю ее содержимое. Мне кажется или оно пахнет лучше того, что мы едим дома?

Я засовываю в банку палец и пробую масло на вкус. Потом со стучащим сердцем несу ее к столу, достаю вдо-

бавок клубничный джем. Беру два куска хлеба от лежащего на столе батона и роюсь в ящике. Мне нужен нож. Вот и он. Я спокойно делаю себе сэндвич, как будто всю жизнь ничем другим не занимался, причем именно здесь, на этой кухне.

В столовой я выбираю стул, на котором обычно сидит девочка. Ем сэндвич и представляю, как сюда из кухни заходит моя мать; она несет на блюде огромную запеченную индейку.

— Здорово, пап, — громко говорю я пустому стулу слева, притворяясь, что у меня есть настоящий отец, а не убогий донор спермы, каждый месяц присылающий чек.

«Как в школе?» — спросил бы он.

«Получил сто баллов за тест по биологии».

«Потрясающе. Не удивлюсь, если ты окажешься в медицинской школе, как я».

Я мотаю головой, прочищая мозги. Либо я вообразил себя героем телесериала, либо у меня развивается комплекс Златовласки-привереды.

Джейкоб раньше читал мне по вечерам. Ну не то чтобы мне. Скорее себе, и не читал, а повторял то, что запомнил, я же просто оказывался в одной с ним географической точке и не мог не слушать. Хотя было здорово. Когда Джейкоб говорит, голос его раскатывается и сворачивается, словно каждая фраза — это строчка из песни. В обычном разговоре это звучало бы странно, но когда рассказываешь сказку — совсем другое дело. Помню, я слушал историю про Златовласку и трех медведей с мыслью: какая же она дура! Если бы правильно разыграла свои карты, могла бы остаться.

В прошлом году я оказался новичком в местной старшей школе, и мне пришлось начинать все сначала. Там были ребята из других городов, которые совсем меня не знали. Первую неделю я гулял после уроков с двумя парнями — Чедом и Эндрю. Они ходили со мной на занятия по программированию и казались такими класс-

ными, к тому же они жили в Суонзи, а не в Таунсенде и никогда не видели моего брата. Мы смеялись над тем, что у нашего препода по естественным наукам слишком короткие брюки, и вместе сидели в кафе за ланчем. Мы даже планировали втроем сходить в кино на выходные, если будут показывать что-нибудь стоящее. Но потом однажды в кафе появился Джейкоб. Он, видите ли, справился с заданием по физике как-то невероятно быстро, учитель отпустил его, и он, разумеется, сразу пошел ко мне. Я представил его своим приятелям и сказал, что он из старшего класса. Это была моя первая ошибка: Чед и Эндрю страшно воодушевились при мысли, что будут общаться со старшеклассником, и начали задавать ему вопросы типа: в каком он классе и в какой спортивной команде играет?

— В одиннадцатом, — ответил Джейкоб, а потом добавил, что не любит спорт. — Меня интересует криминалистика, — сказал он. — Вы что-нибудь слышали о докторе Генри Ли?

И после этого целых десять минут без умолку трещал о патологоанатоме из Коннектикута, который работал на таких важных уголовных делах, как дела О. Джея Симпсона, Скотта Петерсона и Элизабет Сمارт.

Думаю, Чеда и Эндрю он потерял где-то на сообщении о руководстве по распознаванию рисунка брызг крови. Ни к чему говорить, что на следующий день, когда мы выбирали себе партнеров для выполнения лабораторной по программированию, мои приятели сразу от меня отвернулись.

Сэндвич я доел, а потому встаю со стула, выхожу из гостиной и иду по лестнице на второй этаж. Первая комната там — мальчика, все стены в плакатах с динозаврами. Кровать застелена покрывалом с флуоресцентными птеродактилями, а на полу валяется пульт от телевизора в форме тирекса. На миг я замираю. Было время, когда

Оглавление

Дело 1. Спите крепко	7
Дело 2. Ирония 101	55
Дело 3. Хвастун и насмешник пойман	117
Дело 4. Что-то рыбное	189
Дело 5. Не такой уж хороший доктор	231
Дело 6. Укуси меня	307
Дело 7. Кровь гуще воды	369
Дело 8. Один на шесть миллионов	423
Дело 9. Пижамная игра	479
Дело 10. Вы не хотели бы, чтобы вам сошло с рук убийство?	561
Дело 11. Ангел для своего брата	661

Пиколт Дж.

П 32 Домашние правила : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с.

ISBN 978-5-389-20789-9

Джейкобу Ханту восемнадцать лет. У него тяжелая форма аутизма. Юноша не способен нормально контактировать с окружающими и воспринимает все слишком буквально. При всем при том он одаренный математик и прекрасный аналитик, увлекающийся криминалистикой. С помощью нелегального полицейского сканера он узнает, где совершено очередное преступление, и подсказывает полицейским, в каком направлении вести расследование. И обычно оказывается прав.

Но когда в городе происходит жестокое убийство, полиция приходит уже в дом Хантов. Детективы, не знакомые с симптомами аутизма, принимают странности поведения Джейкоба за угрызения совести и делают его главным подозреваемым. Для матери Джейкоба — это очередное свидетельство нетерпимости общества, а для его младшего брата — еще одно напоминание о ненормальной ситуации в семье из-за болезни Джейкоба.

И тут возникает вопрос: мог ли Джейкоб совершить убийство?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДИ ПИКОЛТ
ДОМАШНИЕ ПРАВИЛА

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.06.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 35,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-DJP-29694-01-R